

Януш Леон
Вишневский

Януш Леон
Вишневский

На фейсбуке с сыном
(сюрреалистическая история)

АСТ
Москва

Лица, места и события, о которых говорится на страницах этой книги, выдуманы автором, а их возможное совпадение с фактами, местами или реально существующими лицами носит случайный характер.

Правда, время от времени такое как раз и происходит...

Ирена Вишневская (1914–†1977)

*20 апреля 2011 года
Мой день рождения*

У нас в аду, сыночек, нынче рождение Гитлера отмечали.

А и то сказать, сыночек, — событие-то для нас немаловажное... Мало кто заслугами своими так способствовал процветанию ада, как Адольф Г. Я им сказала, меня это сильно интересует: Гитлер самую большую любовь у меня отнял... но если бы не он, я никогда бы не встретила другую свою любовь. Еще большую. Так что у меня с ним свои счеты. Потому я его рождение стороной обхожу. Ведь радость-то — она не в оргиях каких... радость — она в покое и воспоминаниях. Как сказал бы мой супруг Леон Вишневский, сын Леона, «пошли они в ж... со своей академией». А уж он-то прекрасно знал, что говорил, хоть и выражался порой грубовато.

Вчера что-то меня так сильно и ощутимо толкнуло, что решила я «добавиться» к Тебе на фейсбуке. И добавилась. Ну, вернее — Ты меня добавил. Под номером три тысячи каким-то в ленте Твоих «фейсовых» друзей.

Ты писал мне, что в мой день рождения Ты всегда со мной... и даже вчера, когда Тебя не было, Ты был — хотя и очень далеко. Что Ты скучаешь. И иногда так сильно, что испытываешь физическую боль. Ты свечи и лампадки в Торуни зажигаешь на моей могилке, а если покупаешь цветы — то всегда белые розы. И если в день поминовения усопших

не можешь там побывать, в этот день приходишь на кладбище, будь то в другой стране или даже на другом континенте, и там ставишь мне свечку.

И все время молишься за меня. За отца, за бабу Марту и даже за дедушку Брунона, который вечно устраивал Тебе дома проверочные работы по математике. Но больше всех, со слезами, Ты молишься за меня, говоришь, что в эти минуты чувствуешь ко мне особую близость.

И то ли Ты плакал, то ли пил, а может, и то и другое сразу, потому что чуть ли не в каждом слове, написанном Твоей рукой, есть ошибки — то не те буквы, то описки...

Что это с Тобой, сыночек? Я ведь Тебя знаю, знаю своего Нушика. Ближе-то никого не было и не будет, с самой первой минуты, с первого Твоего вздоха. С того момента, как Тебя из живота моего достали и на грудь мою обмершую положили, когда я от наркоза отошла... и как у меня дыхание перехватило, да не от чего такого, не от гравитации какой или еще чего, а от любви к Тебе, сыночек. До потери дыхания я Тебя в ту минуту полюбила, головку Твою, без единого волоска и такую бесформенную, миллиметр за миллиметром целовала и безмолвно, прикосновениями губ, в любви Тебе признавалась.

Вечером Леон пришел со службы с букетом полевых цветов, что собрал на лугу, и с плиткой шоколада, и его пустили ко мне только по знакомству — он в здравоохранении работал. Сел возле нас с Тобой на край кровати и плакал, и на Тебя сквозь слезы смотрел, и руки мне целовал, и нежными словами за то, что я ему Тебя родила, благодарил. И такую я в этот

момент неразрывную связь со всем миром ощущала! Никакого допамина во мне не было — я сама и была тем допamiном, сыночек. В ту минуту я словно почувствовала, как во мне распрямляется спираль ДНК, и в животе моем изболевшемся что-то раскрывается — нежнейшее, тончайшее, невесомое, словно крылья бабочки цветной... Да так явственно я это почувствовала, что за швы свои испугалась.

Никогда Ты не был от меня далеко! Никогда! Уж я-то, сыночек, знаю... и хочу, чтобы знал это Ты.

Нуша, Нушик, Нушенька, Нушатик мой, сыночек мой любимый...

Ты теперь старик.

Старый и некрасивый.

Твой отец в этом возрасте лучше выглядел, гораздо лучше. Гены, что ли? Хотя странно — ведь Ты его гены тоже должен унаследовать... ну да чего уж тут. От Леона, отца Твоего, у меня голова шла кругом, я могу быть пристрастной, конечно. От Тебя, сыночек, у меня тоже голова кругом, только совсем по-другому. Но Ты все-таки что-нибудь сделай. Займись собой. Похудей. Позаботься о своем здоровье. И столько не пей. Твой отец пил много, но оставался стройным, а Ты вон пухнешь. Тут, в аду, говорят — мол, все писатели ненормально много пьют. Но разве Ты писатель, сыночек? Никакой Ты не писатель. Я им, со всем убеждением и по совести, так и отвечаю: дескать, мой Нушичек не писатель, у него дела поважнее имеются... А писательство — это что, одно баловство. Писать-то каждый может. Зато вон в химии — поди разберись, это учиться нужно, долго, упорно. Не каждому по плечу. Но Ты, Нушичек, всегда хотел учиться-

ся. Все хотел знать и понимать, потому что тот, кто много знает, меньше боится — это отец вам обоим, Тебе и Казику однажды сказал, и вы сразу поняли.

Ты как раз «не каждый». И всегда был не таким, как все. И я всегда за Тебя волновалась.

Чудно мне писать «Ты» с большой буквы — ведь Ты для меня навсегда остался маленьким. Крохотным. Беспомощным...

Нушик мой любимый...

Но так уж принято — с большой-то буквы в письмах писать. Хотя когда Ты в техникуме учился — я с маленькой буквы писала, и Ты мне тогда был гораздо ближе. А сейчас — важный стал, серьезный... образованный, «остепененный» научным званием, в телевизоре Тебя показывают и в газетах про Тебя пишут. В аду много об этом говорят. Это, сыночек, суетное тщеславие и искушение... а для ада подобное очень приятно, и такие-то сюда куда чаще прибывают, чем те, от которых остается две даты — ну, может, три: еще когда брак зарегистрировали. А про Тебя, сыночек, записи-то что ни день, а то и несколько за день: в газетах, порталах, на фейсбуке вот.

У нас тут, в аду, сыночек, фейсбук этот прямо с уст не сходит в последнее время.

Там грешат массово, регулярно и вдобавок — публично, а это в аду очень поощряется. На фейсе движущая сила — грех, тот, что идет первым в списке В7, что на продвинутом английском означает «Биг севен», а на нашем, польском, толкуется как «Большой Список Семи» (БСС). Грех-то этот — тщеславие, а по-простому спесь. Фейсбук в аду уважают — значимая величина. Как инвестор или спонсор.

Уже во всевозможных конкурсах награды получил, а в номинации «Технологии на службе ада» который год остается на недосягаемой высоте: все, что земной грех распространяет, здесь уважается и ценится. А фейсбук нам, для ада, грех генерирует с энергией, которую разве что с цунами можно сравнить. И ведь все совершенно задаром. Конечно, есть и критики, недовольные — но так всегда бывает, сыночек. Если не получается разгромить произведение — они громят автора, от бессилия. Так им легче своего добиться. Да что я Тебе, сыночек, рассказываю — Ты с этим встречаешься постоянно, Тебе ли не знать... Плохую Ты книгу написал, потому что усы мешанские отрастил, в провинции глухой родился, гуманитарного образования у Тебя нету, оказывается, по-польски писать не умеешь, к тому же Ты эротоман и онанист, помешанный на менструальной крови, да еще и в Германии проживаешь, а значит — куда Тебе Польшу, поляков и полячек скудным своим умом понять, и потом Ты богатый, то есть зажавшийся, у Тебя в книгах все с ноутбуками от аэропорта к аэропорту бегают и бизнес-классом в самолетах летают, вместо того чтобы в поте лица, задыхаясь от вони, каблучки к ботинкам на фабрике приклеивать...

За фамилию автора идеи и создателя фейсбука цепляются, не нравится им фамилия Цукерберг.. Ну ясно, что они имеют в виду: жидовство мировое и заговоры масонские. Будто бы он стремится весь мир объединить в семейно-дружескую сеть и сам ее возглавить, а потом и в аду власть прибрать к рукам. Ты уж, сыночек, прости меня за грубость, но так сказал бы Твой отец: «Пусть эти козлы обосрут».

Много предложений вносится по оптимизации фейсбука и финансированию различных проектов, комиссии всякие образуются. Мыслят функции фейса расширить и приспособить к своим нуждам. Например, повесить под постами баннер «Я ненавижу автора», что многократно повысит уровень негативных эмоций и агрессии и сделает их главным элементом контактов на фейсбуке. Или к «Показать все комментарии» добавить опцию «Показать только негативные комментарии», что приведет к тому же результату. Я в петиции, из-за меня правой рукой подписанной, очень возражала против таких нововведений, ведь все это настоящую картину земной жизни никак бы не отражало и в конечном итоге пошло бы на пользу только Небесам: если так сделать, люди от фейсбука захотят отсоединиться, Добро-то, оно всегда в конце концов побеждает. И это могло бы аду только краткосрочную выгоду принести, а ад на долгосрочные проекты должен направление держать, и не нужно грехом-то спекулировать, это все последние события на Земле доказывают. Но вообще-то анализ активности на фейсбуке меня радует и приводит к выводам, которые представляются мне вполне положительными. Особенно один:

Ты, сыночек, прямиком направляешься к аду.

Здесь много об этом говорят.

А я радуюсь. Потому что знаю — на Небеса Ты не хотел бы попасть. Ты ведь считаешь, что там скучно, не правда ли? Тебе везде и всегда очень скоро скучно становилось. Ты вспыхивал, зажигался чем-то новым, узнавал об этом побольше — и потом, как старую игрушку или разлюбленную женщину, бросал без

сожалений. В обычной школе в Торуня ты учиться не захотел — это же скучно, так мира не познаешь. И потому с великим трудом сдал экзамены в дорожный техникум, который официально как-то иначе назывался, а для меня это было как конец света, просто конец света... где дьявол с распростертыми объятиями Тебя поджидал.

Огромное огорчение Ты мне этим техникумом причинил. Огромное. Никогда Тебе этого не говорила, а теперь скажу. Ты покинул меня, сыночек, бросил, оставил. Оставил в такой тоске невыразимой, что не знаю, как и сказать. Я пять лет оправиться не могла, с 31 августа 1969-го до 26 июня 1973 года. И я писала Тебе об этом, сыночек, писала. Все пять лет, каждый день. Если бы не эти письма и не польская почта — было бы мне на том свете совсем невыносимо, не выдержать бы мне. А так — я вечером Тебе напишу, и мне немножко легче. Отец-то Твой человек добрый был, но несуразный какой-то. К тому же прагматик, даром что поляк. Он мне сказал, мои письма вы на помойку выбросили, мол, слишком много их было, целый бы чемодан заняли, а к чему? Он мог по попавшему под машину коту три дня убиваться, а на похороны родных сестер не явился — мол, к чему? Он был непредсказуемо непредсказуем. До самого конца я не ведала, чего мне от него ждать.

Потому что он, сыночек, познал тайную суть женщины.

Такой был прямой... никогда сам себе не изменял. И мне о нем ничего толком не было известно. Видно, поэтому я с ним и жила. Хотела знать о нем побольше, все хотела знать. Даже умирая — все равно

всего не знала. Может, потому я и сейчас к нему неравнодушна и им очарована. Иногда я встречаю его, сыночек. Он ведь тоже здесь — где ж ему быть-то? Пьяница, ярый атеист и провокатор. Сюда ему и дорога. Только он и здесь в черном списке. Вопросы неудобные задает и ничегошеньки не боится. Он даже в Штутхофе* перестал бояться — и печей, и пламени, и самого зла. А тут, в аду, все построено и держится на страхе: на страхе вечной боли, безнадёжности, вечного искупления ради мига забвения. Твой отец ничего этого не боится, ходит себе по местным закоулкам и говорит, мол, пошло все в жопу.

Твой отец, сыночек, всегда и везде был в черном списке.

Поначалу потому, что поляк. Потом — потому, что не тех взглядов. А он не захотел быть ни красным, ни черным. Потом — потому, что презирал Союз борцов за свободу и демократию. Этот союз ему вообще был поперек горла... Ты-то всего не помнишь, конечно, не можешь помнить, а он свою биографию вспоминать не любил. О Штутхофе никому, даже самым близким не рассказывал, а уж остальным тем более не

* *Штутхоф* — концентрационный лагерь в Восточной Пруссии, недалеко от Данцига (ныне Гданьск). Главным средством выполнения нацистами программы по уничтожению целых народов были концлагеря, которые густой сетью покрывали всю Европу. Самые крупные располагались на территории нынешней Польши. Штутхоф был открыт 2 сентября 1939 года, в самом начале Второй мировой войны. Через него прошли 120 тысяч заключенных, 85 тысяч из них погибли. Всего в Третьем рейхе в лагерях и тюрьмах содержались 18 млн. человек, из них 11 млн. были уничтожены. *Здесь и далее прим. ред.*

считал нужным. Эти деятели, эти костогрызы, как он их называл, непрестанно его соблазняли: удостоверение норовили выдать, бесплатный проезд на трамвае и поездах, мол, ему не придется в очередях за мясом стоять, а сыновьям счастливое будущее обеспечено, мол, угля он больше, чем депутат, получит, на море в доме отдыха сможет косточки свои греть вместе с семьей... А он ни в какую — нет и нет! Как-то раз так разнервничался, что даже номер Штутхофа на руке свел — поверх другую татуировку сделал, чтобы видно не было. По пьяни конечно. Что есть то есть.

«Immer hin»*, как с гордостью говорила всем баба Марта, Твоя бабушка. Леона она уважала, хотя в жизни ему бы в том не призналась, не особо ее радовало, что я от него родила, ну поначалу-то точно.

А Твой отец был политическим дальтоником. И этот изъян внутреннего зрения здорово портил ему жизнь. До самого конца.

И после — тоже.

Помнишь, как Ты и Казик, Твой брат, к ксендзу ходили, чтобы похоронить отца как положено? Просили, умоляли. А отец ваш, хоть и ценил ваши добрые намерения и даже чувствовал благодарность, все же стыд его брал за такое как будто унижение. Лежал в морге и притворялся еще холоднее, чем был, — от стыда совсем в лед превратился. А Ты сначала просто просил, потом из кармана деньги вытаскивал, доллары, потом — умолял, заклинал, убеждал, что это Твой отец, и он заслужил достойные похороны! А отец Твой в это время прятался в крематории,

* «Immer hin» (нем.) — Верен себе (здесь).

который еще с лагеря прекрасно помнил, и с нетерпением ждал огня печей — чтобы поскорее от этого унижения избавиться и сгореть.

И я скажу Тебе, сыночек, ксендз этот, который отца вашего похоронить по-человечески отказался, — он тут, между нами слоняется! И все его презирают. Потому что даже грех имеет свое достоинство, а его грехи невообразимо недостойны. А с отцом Твоим он, скорее всего, никогда не встретится — и хорошо, и правильно, и к лучшему, ведь Леон, он нервный, и когда высказаться не может — потому что уже все сказал! — становится непредсказуем. А здесь, в аду, обличения не в почете. Здесь ценят, когда люди себя словами, как бритвой или ножом хлещут. Потому что ад — он очень польский. Здесь если люди себе словом какую несправедливость причиняют — докладывают об этом с умилением и радостным удивлением, а ты ж понимаешь, это очень по-польски. Поэтому полякам здесь полегче — они к аду на Земле приносившись успели.

Кстати о поляках, сыночек.

Шипят здесь ядовитые языки, что Ты никакой не поляк, а немец.

Врагам проданся за деньги. Мол, в Польше у Тебя мозг переполняется, а в Германии ты его опорожняешь. Немцы Тебя «Мерседесом» купили. Так здесь ненавистники шипят, и я потом разбитая вся хожу, потому что Ты, сыночек, Ты изменником никогда не был. А мне вдвойне тяжело — я ведь немка, я чувствую свою с немцами связь. Но гораздо больше я полячка! Я от польского гимна плачу, а от немецкого — нет, только делаю вид, для посторонних.